

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ АССИМИЛЯЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ НА РУССКУЮ КУЛЬТУРУ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1921-39 гг.)

Политические события 1917-21 гг. сильно изменили реалии в Западной Белоруссии. Количество русских во Второй Речи Посполитой было столь невелико, что польское законодательство не признало их меньшинством. Но изменить культурную действительность было труднее, чем политическую. Часть граждан польского государства в течение десятилетий пользовалась русским языком в школе, армии, церкви, администрации. Внезапно отказаться от прежних культурных традиций этим людям было бы не просто.

Польская национальная интеллигенция воспринимала русский язык и культуру как колониальное наследие, оставленное царским правительством на землях Речи Посполитой. «В глазах поляков каждый русский, уже в принципе, был лично ответствен за все несчастья, которые испытывали Польша и ее народ в течение всей своей истории. ... И каждый «настоящий» польский патриот жаждал реванша...» [19, 29]. Отношение к целому ряду явлений российской действительности у поляков было крайне негативным. Некоторые представители местной администрации, описывая русских, даже в служебной переписке употребляли пейоративные выражения «москаль» и «кацап» [6, 104]. Польское общество объявило войну колониальному наследию. Русская газета «Под небом Полесья» поместила заметку о материале в краковской газете «*Ilustrowany kurjer codzienny*». Автор материала обращался к молодым польским учителям с призывом посвятить себя самоотверженной культурной работе на Крэсах «где, по его словам, дикое московское хозяйничанье, насилие Муравьева и большевизм уничтожили приобретения целых польских поколений» [13, 4].

Сила государственной ассимиляции (польская система образования, польская администрация, польская армия) призвана была ликвидировать последствия русского владычества в восточных воеводствах. Ослабить русское влияние могло изменение национальных квот, существовавших в Российской империи. Так, количество русских среди железнодорожников брестского узла сократилось с 70% в 1914 году до 52% в 1922 г. [5, 17]. При этом среди служащих железнодорожного узла и сезонных работников этот процент сократился в три раза. Подобные примеры известны во многих частях страны. Увольнения русских позволили некоторым из них подозревать, что их сознательно хотят лишиться всех высокооплачиваемых работ. В Пинске группа из двадцати восьми рабочих Пинского военного порта (Ильютрович, Гаврилов и др.) обратилась к Ю. Пилсудскому с письмом, утверждая, что их увольнение – пример дискриминации по национальному признаку [6, 102; 6, 112; 6, 117]. Кроме национальной дискриминации, в отношении к некоторым русским применялись репрессивные меры. Часть из них лишали права пребывания на территории польского государства. Среди прочих, власти удалили за пределы государства директора пинской реальной гимназии Александра Федорова [4, 54], владельца русской библиотеки В. Коротышевского [6, 173] и др. Наиболее жесткой мерой, примененной администрацией в отношении лидеров русского национального движения, стало заключение летом 1939 года доктора П. Короля, бывшего посла в Сейм, в концентрационном лагере Береза-Картузская [19, 25].

Предвзятое отношение к русским и ограничение сферы употребления русского языка стали основными факторами, способствовавшими ассимиляции этого народа в Польше. В 1927 в популярной русскоязычной газете «За свободу» под псевдонимом «польский русский» была размещена статья «Куда исчез русский народ с Полесья?». Автор утверждает, что причиной исчезновения русских в государственной статистике и общественно-политической жизни является боязнь местного населения польской власти, в глазах которой каждый русский это большевик [18, 86]. Некоторые из тех, кто считал необходимым продемонстрировать свою лояльность в отношении польского государства, действительно могли отказаться от русской национальной идентичности. Если пришлось жить в Польше, думали они, следовательно, надо быть поляком [11, 3]. В статье «Их грехи» В. Коротышевский описывает, каким образом часть русских отрекается от собственной культуры: «наши русские богачи, как у нас на Полесье, так и везде в Польше – стесняются своей родной речи, зачастую отвечают по-польски своим же русским» [15, 2]. Если Коротышевский прав, то первой ассимиляция затронула финансовую элиту. Секретарь Синода Православной церкви Ежи Роцински также заметил, что часть православных колонизируется. Он был сторонником ассимиляции русских в Польше. Процесс развивался бы большими темпами, если бы удалось колонизировать церковные элиты. Роцински обратил внимание на то, что русские священники в значительной степени рекрутируются из местной православной шляхты. В случае если этой православной шляхте удастся привить польское самосознание, то, вместо высокого процента священников-русских, окажется высокий процент поляков. Секретарь был убежден в том, что православная шляхта считает себя русскими исключительно из-за прежней ассимиляционной политики российского государства. На нынешнем этапе роль ассимилятора должно было взять на себя польское государство.

Русская культура перестала быть господствующей и постепенно начинала сдавать свои позиции, это негативно сказывалось на грамотности русских. Прежде всего, утрачивалось владение письменным языком. Причин было несколько: русская литература и правописание, уже не изучались в государственных школах, а родители не боролись за национальную школу для своих детей. Председатель барановичского отделения Российского благотворительного общества, Александр Мютель, с тревогой отмечал тот факт, что русские «не посылают своих детей в русскую школу» [3, 10]. Последствия отсутствия национального образования не заставили себя долго ждать. «Дети наши с каждым днем все больше и больше забывают родной язык и не имеют ни малейшего представления о русской книге» [16, 3] Острота проблемы вынуждала русскую интеллигенцию требовать от молодежи самостоятельно овладевать нормами русского литературного языка. Редактор газеты «Под небом Полесья», П. Хинич, в рубрике «Почтовый ящик» советует молодому автору «Пробующему перо»: «Избегайте полонизмов. Чистота языка – прежде всего» [13, 4]. Проблема сохранения собственной культуры и борьба с процессом ассимиляции занимала умы ряда русских общественных деятелей. Пинский поэт, Владимир Короты-

Мисиюк Виктор Сергеевич, ассистент кафедры культурологи и философии Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

шевский, подписавшийся инициалами В.К., в статье «О самом больном» так мотивировал необходимость сохранения русскими собственной культуры: «Не забывайте, что теряя русскую речь, ваши дети одновременно с этим теряют свою национальность, а потеряв таковую, не найдут другой, ибо они от вашей крови и плоти». [14, 2] Эти слова лучшее подтверждение того, что для него национальность связана с происхождением человека, т.е. этническим критерием. В случае с белорусами и украинцами, этническое происхождение позволяло легко овладеть русским языком и, как тому же В.Коротышевскому, считать себя русскими. Благодаря этому русский язык мог бы значительно расширить свое влияние на Западной Белоруссии. Факты говорят об обратном.

Нами найден документ [1, 220] в котором утверждается, что целый ряд деятелей белорусского национального движения были русскими (!). Русскими названы С. Рак-Михайловский, М. Никифоровский, П. Волошин, Ф. Окинчиц. Кроме выше перечисленных, в списке фигурирует М. Якимович, который к тому же плохо говорил по-белорусски. Поляком назван из списка белорусских деятелей только Р. Островский. Какой критерий был взят за основу теми, кто так определил национальную принадлежность выдающихся представителей белорусской нации? Очевидно, принята во внимание национальная культура того окружения, в котором они получали образование и занимались профессиональной деятельностью. Несомненно, многие из белорусских национальных деятелей первого поколения прекрасно знали русский язык и русскую культуру. Но, несмотря на это, они причисляли себя к белорусам, даже в том случае, если говорили лишь на русском языке. Например, полиция отмечала достаточно слабое владение белорусским языком сенатора А. Власова [8, 21]. Корреспондент «Новоградской жизни» (*Zysie Nowogródzkie* Nr.280) в статье «О белорусской интеллигенции» называет среди одной из трех групп белорусской интеллигенции и такую: «русские, которые стали, либо только декларируют себя, белорусами, преследуя этим определенные цели» [9, 36]. Таким образом, пресса подтверждает случаи самобелорусизации среди русской интеллигенции Западной Белоруссии. Этот факт говорит о том, что, имея возможность выбора национальной идентификации, значительная часть интеллигенции, знакомая с русской культурой, предпочитает сделать выбор в пользу белорусской. В чем же заключалась слабость русской культуры, повлиявшая на увеличение за ее счет количества поляков и белорусов?

Как уже отмечалось, включение территории Западной Белоруссии в состав Второй Речи Посполитой (Речи Посполитой Польши) привело к падению степени привлекательности русской культуры. Связано было это с утратой ею статуса общенациональной культуры, обеспечивающей социальный рост. Еще более важным фактором следует назвать падение уровня привлекательности русской национальной модели, прежде всего той, которая ассоциируется с Российской империей. Причина тому - консервативный характер русской национальной модели. Влияние монархистов и духовенства на русское национальное движение для населения означает то, что русские, как нация, на тот момент выступают против прямого народовластия и усиления роли крестьянства за счет экономического потенциала церкви и дворянства. Они в большинстве не поддерживают идеи национальной кооперации, сохраняют прежнюю общественную иерархию и модели поведения. Собственную пассивность русские г. Кобриня оправдывали тем, что общественной работой должны заниматься старые авторитеты: «Их достаточно все знают, да и они досконально знают ходы-выходы для получения разных разрешений и легитимаций» [12, 3]. Результатом такого отношения стало отсутствие организованной национальной жизни русского населения этого города. Консервативность национальной модели подразумевал один из работников пин-

ского Окружного суда, русский по национальности, отвечая местному поветовому старосте на его требования к поведению чиновников: «Вы что же, тут хотите по-европейски работать? Очень скоро это удастся сделать, ведь это же Россия ...» [7, 20]. Несмотря на высокое национальное самосознание и степень институционализации этого меньшинства, сторонников создания нации нового типа среди нее практически нет. Основной проблемой русских Второй Речи Посполитой становится не развитие, а сохранение национальной культуры. В интересах же православного крестьянства - выдвижение новых национальных лидеров из его среды, которые смогут представлять их экономические и культурные интересы. Крестьянин Западной Белоруссии заинтересован в интенсификации производства, он ищет новые формы, обеспечивающие экономическое благосостояние (развитие кредитной, потребительской кооперации, национальной сети магазинов и т.д.). В перспективе его интересует развитие национальной промышленности. Всего этого русская национальная модель в пределах Речи Посполитой не дает.

В отчетах полиции говорится, что местное православное крестьянство неохотно поддерживает деятельность русских организаций, т.к. не видит в этом для себя практической пользы. Подтверждением служат слова тех, кто был знаком с настроениями большинства сельских жителей Западной Белоруссии: «Принадлежность к русской политической организации не представляет для православного крестьянина восточных окраин Польши практической выгоды, ибо организация эта бессильна удовлетворить самую элементарную его пожелания и потребности» [17, 3].

Для тех русских общественных деятелей, которые не считали белорусов и украинцев вымыслом, не было никакого противоречия в существовании двойного русско-белорусского или русско-украинского самосознания. Они продолжали считать их локальным вариантом русского народа. Мнение о том, что русские и белорусы это два отдельных народа, со слов сенатора Вячеслава Богдановича, результат, рожденного на Западе, мифа о русско-белорусском антагонизме. [2, 332] Сенатор активно организовывал единый русско-белорусский блок на выборах в Сейм 1928г. . Но в реальности белорусы и украинцы все более настойчиво требуют считать их отличными от русских народами. «Попробуй, начни-ка (с т.н. русскими какое-либо дело – авт.) – сейчас затынут разногосицу, один за здоровье, другой за упокой, и развалит в два счета. ... Лишь бы его в покое оставили – один скажет: я белорус, а другой – я украинец, так что русских окажется самая малость, если дойдет до дела» [12, 3]. Не раз отмечается тот факт, что сознательные белорусы и украинцы прекрасно знают русский язык и культуру. «Характерно, что все эти «белорусы», «украинцы» спросите в непридуманной обстановке не только говорят, но и думают исключительно по-русски» [11, 3]. Но при этом трудно согласиться с теми, кто считал наличие национального сознания у белорусов «фиговым листком», «маской», временной «модой» [11, 3], за которой они прячут свое истинное русское происхождение. Порывая с своим российским прошлым, многие из т.н. русских отдают предпочтение этнонациональной модели. Этот факт свидетельствует не только о росте образовательного уровня населения, который прежде не обладал достаточной информацией об этнической общности носителей белорусской или украинской культуры, но и о том, что данная модель была более привлекательна. Национальная принадлежность в 20-30 гг. XXв. имела не просто декларативный характер, но, прежде всего институциональный. Полесский поэт, С. Семенюк, в стихотворении «Читака и гуляка» [20, 149] перечисляет целый ряд национальных общественных организаций и партий, без которых немислим герой стиха – сознательный украинец. Консерваторы могли бы сколь угодно долго обвинять советское и польское правительство в создании искусственных наций, но процесс роста национального сознания и национального дви-

жения Западной Белоруссии был объективным процессом, обусловленным, прежде всего, потребностями культурного и экономического развития белорусского крестьянства.

«Массовая индифферентность» [12, 3], «летаргический священный сон» [11, 3], «инертность и вопиющий недостаток инициативы» [11, 3], «никаких запросов, никаких интересов, кроме самых примитивных» [10, 3] - выражения, которыми журналисты описывали состояние русских колоний Западной Белоруссии. Подобные высказывания могли бы натолкнуть исследователей на выводы о том, что основой культурных достижений являются потребности просвещенного государства. Может быть, причина податливости ассимиляции русских состояла именно в этом? Может без русского государства некому стало представлять интересы русской культуры в Западной Белоруссии? Население же якобы пассивно отнеслось к попыткам основания русских культурных институций. Представляя собой инертный этнографический материал, русские были бы обречены на полную ассимиляцию их поляками. С такими выводами нельзя согласиться. Прежде всего, им противоречит деятельность русских организаций.

Отсутствие интереса к деятельности национальных институций действительно могло бы иметь место, если бы данное сообщество являлось традиционным обществом, не затронутым процессом образования национальной культуры. Русская нация сохраняла много пережитков сословного понимания народа, когда в качестве нации выступало культурное единство правящего сословия. И все же к моменту распада Российской империи русская культура создала богатую национальную литературу, театральную и музыкальную культуру, прослойку меценатов национальной культуры, обладала опытом парламентаризма. Учитывая то, что это элементы культуры, присущие нациям современного типа, русским трудно причислить к этносам донациональной стадии развития. Аргумент о слабом национальном сознании, как причине пассивного отношения к национальной культуре, мог быть справедлив лишь в отношении тех, кто ошибочно был причислен к этой нации. Нельзя утверждать и то, что население этой части польского государства было инертно. Оно принимает активное участие в организации и развитии белорусских национальных организаций, что противоречит тезису о как таковой пассивности населения.

Может быть причиной национальной пассивности русских был т.н. эффект «военной тишины» (определение, употребленное болгарской исследовательницей Р. Коневой), когда на определенную группу оказывается жесточайшее давление и всякая инициатива, предпринятая ее членами заведомо обречена на поражение? Что касается репрессий по отношению к русским, то с полной уверенностью можно утверждать, что их уровень был далек от предельно возможных. Нам неизвестен ни один факт пацификации русского населения, крупных судебных процессов над представителями русского национального движения, избиения задержанных представителей Русского благотворительного общества представителями полиции, разгона русских демонстраций. В то время как такие меры применялись по отношению к другим славянским меньшинствам. В духе авторитаризма польские власти выселяли русских за пределы государства, запрещали проведение мероприятий, основание организаций, сажали в тюрьму, но уровень репрессий был далек от того, который препятствует развитию каких-либо национальных институций. Доказательством является тот факт, что русские paramилитарные организации, такие как Братство русской правды и Русский общевоинский союз, не ставили себе целью с оружием в руках отстаивать права русских в Польше. В то время как белорусские и украинские организации такие акции предпринимали (Белорусская коммунистическая организация, КПЗБ, КПЗУ, Организация украинских националистов). Оправдать

репрессиями ситуацию, сложившуюся в лагере носителей русской культуры, невозможно.

Истинной причиной пассивности национальной жизни был кризис национального сознания. Он способствовал дезинтеграции некогда единой группы русских (великорусов, белорусов, украинцев и обрусевших инородцев). Новая реальность, с которой пришлось столкнуться русскому обществу, привела в действие механизм аккультурации. Воспринимая новые элементы культуры, многие уже не могли отождествлять себя с первичной русской культурой. Тезис Н. Седяревича из Баранович о том, что «каждый народ должен развивать собственную культуру, а не чужую» [3, 111] был не для всех русских так очевиден. Особенно если под собственной культурой понимались традиции Российской империей. Реальность стремительно изменялась и сознание русских старалось соответствовать этим изменениям. Близость славянских культур позволяла русским легко адаптироваться в условиях Западной Белоруссии. Часть этнических русских, как и белорусов, украинцев, начинала отождествлять себя с поляками. Еще одна часть стала причислять себя к белорусам и украинцами. «Чужие мельницы» [11, 3] обладали определенной привлекательностью, русские общественные деятели прекрасно это понимали, но зачастую им нечего было им противопоставить. Следующая группа находилась в состоянии кризиса самоидентификации. Она не отождествляла себя с русскими с полной уверенностью, но и не приняла еще иной национальной идентификации. Лишь четвертая группа сохраняла русскую самоидентификацию, декларировала ее в переписях населения, принимала активное участие в деятельности национальных организаций. Что касается функционирования элементов русской национальной культуры, прежде всего языка, то четыре перечисленные группы могли продолжать употреблять русский язык или были билингвами. То же распространяется и на нерусские группы населения Западной Белоруссии, которым хорошо была знакома русская культура (евреи, этнические белорусы и украинцы, часть поляков). Обращает на себя тот факт, что среди наиболее сознательной группы русских сохранялись культурные нормы Российской империи (театр, литература, правописание), в то время как среди прочих групп, прежде всего с просоветскими настроениями, все большее распространение получают нормы, принятые в Советском Союзе.

Влияние советской культуры на трансформацию культуры русских Западной Белоруссии примечательный феномен. «...Многие русские, ничтоже сумняшся, отождествляют в своем представлении (а иные даже вслух это высказывают) «русскость» с большевизмом на том основании, что последний, де, господствует ведь в России, - ну, а признаться к такому родству как-никак никому не легко» [11, 3]. Популярность КПЗБ и ее численный рост, говорят о том, что не всем было трудно признавать подобное «родство». Национальная модель, установившаяся в Советском Союзе, выглядела привлекательно не только для русских, но и белорусов, украинцев. У тех русских, которые тесно связывали свое будущее с существованием польского государства, подобные «ассоциации» вызвали раздражение. Они даже готовы пожертвовать созданием русских организаций, лишь бы их не отождествляли с советской Россией. «Если бы кто из нас, мелкой сошки, вздумал приступить к чему-то такому (открытию собственных школ, театров - авт.), можно наперед сказать, не только ничего не выйдет путного, но еще при случае и неприятностей не оберешься, даже коммунизм могут пришить» [12, 3]. Деятели русского национального движения стояли на антисоветских позициях и тем самым утвердили мнение о том, что русские в Польше это хранители российских традиций. Консерваторы победили. Русские в городах и местечках Западной Белоруссии продолжают сохранять свою культуру, но она становится все менее и менее привлекательной для жителей

деревни. Набирают темпы деятельности белорусские национальные организации.

Причина слабости русского национального самосознания у большинства т.н. «русских» (к которым сами русские причисляли белорусов и украинцев), на наш взгляд, заключалась в том, что русское государство длительно вытравливало «неудобные» и «нелегальные» явления из жизни русского общества, в конечном итоге способствуя отождествлению русской культуры с государством. Внутринациональные связи русского народа были слабо институционализированы. Помимо малочисленного «Сокола» (русские скауты), на территории Западной Белоруссии не действовала ни одна дореволюционная русская организация. Слабость гражданского общества Российской империи способствовала демографической катастрофе 1917-21гг. и падению привлекательности русской культуры у представителей народов, населявших бывшую империю. Упомянутый факт определил как отношение к русским польских властей, так и состояние русской культуры в Западной Белоруссии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Archiwum akt nowych sygn.296/II – 19
2. Государственный архив Гродненской области (ГАГО) ф.551 оп.1 д.724

УДК 93(476)“15”+930.2

Синчук И.И., Теуш А.Л.

ГРОДНЕНСКИЙ СТАРЫЙ ЗАМОК 16 ВЕКА: МОДЕЛЬ-РЕКОНСТРУКЦИЯ

В ходе создания модели Старого замка 16 в. для склеивания из бумаги авторы (Синчук И.И., Теуш А.Л.) опирались на известные документальные материалы и на материалы, полученные в ходе археологических раскопок замка. Целью являлось создание модели-игрушки масштаба 1:100, привязанной,

насколько это возможно, к реальной ситуации во времени и пространстве. Инструментом для создания модели послужил CorelDRAW 8.0. Необходимость вынужденной точности, требуемой, с одной стороны, применяемыми компьютерными средствами, с другой – неизбежностью решать расчетные

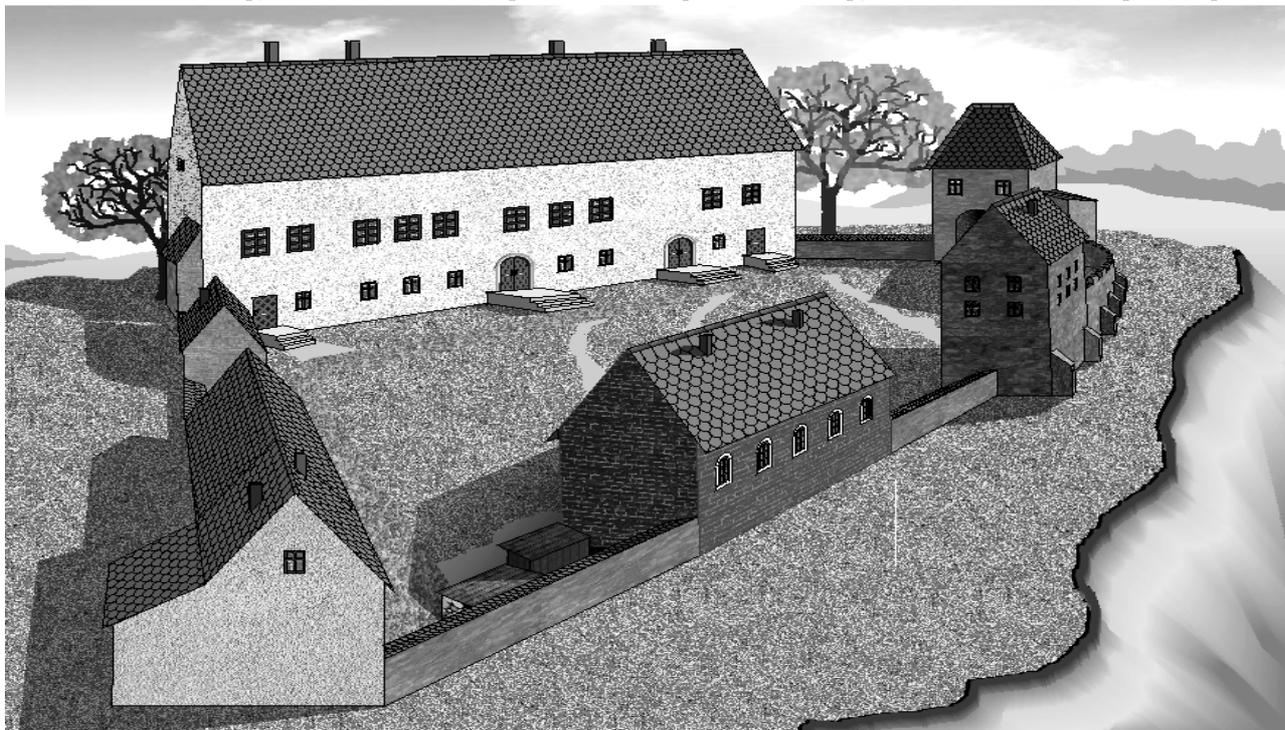

Рис.1. Гродненский Старый замок 16 века: модель-реконструкция (общий вид).

*Синчук Иван Иванович, научный консультант издательства «Беларуская энцыклапедыя», e-mail: sintchouk@tut.by.
Теуш Алексей Львович, дизайнер издательства «Беларуская энцыклапедыя».*